

Секция «История»

Воображаемая история - реальная русофобия: теория и практика украинского национализма и русско-украинские отношения

Баринов Игорь Игоревич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия

E-mail: barinovnoble@gmail.com

Современные международные отношения зачастую определяются не только игрой стратегических интересов и соотношением экономических потенциалов: элиты вынуждены обосновывать практически любое принятое на международном арене решение перед тем обществом, которым они руководят. Здесь вступает в силу принципиально иной механизм – механизм, лежащий в сфере истории и социальной психологии. То, насколько общество будет готово или, напротив, не готово поддержать тот или иной внешнеполитический шаг элиты, зависит от устоявшихся на протяжении многих десятилетий, а иногда и столетий, общественных стереотипов, моделей восприятия других народов и культур. Модели эти возникают отнюдь не спонтанно, но формируются по «политическому заказу» элиты интеллектуалами и профессионалами, как правило – историками, социологами, культурологами [4]. Именно такой механизм лежит за социальным конструированием украинской нации и образов ее врагов [1]. Историческая перспектива данного процесса – процесса конструирования образа нации, национальных приоритетов и национальных же врагов – а также ее последствия для современной политики и русско-украинских отношений находятся в фокусе внимания данной статьи.

В целом, стоит отметить, что та противоречивая ситуация, которую можно было до недавнего времени наблюдать в украинской исторической науке и политике, складывается из-за потери актуальности советских исторических принципов и невозможности обретения новых адекватных ориентиров в виду нынешней общественно-политической нестабильности на Украине [5]. Своеобразную роль здесь играет и попытка многих современных украинских исследователей создать новую официальную историческую доктрину, другими словами, дистанцироваться от общего с Россией исторического прошлого [3]. Кроме того, противоречия между предками русских и украинцев, заложенные сотни лет назад, в те годы, когда ещё ни России в современном понимании слова, ни тем более Украины ещё в помине не было, стали хорошей почвой для реализации политических интересов тех, кто не был заинтересован в сплоченности восточнославянских народов [2]. Общеславянский менталитет был подменён набором не существовавших в действительности психологических установок и догм, направленных на разграничение и разобщение жителей русских и украинских земель, привели к складыванию ложной исторической памяти у украинцев и, как следствие, отрицание совместной с Россией истории, культуры и обычаев.

Основными этапами анализа являются: во-первых, рассмотрение, в исторической перспективе, социального конструирования идеи украинской нации в контексте теорий национализма; автор доводит освещение событий вплоть до ключевого периода «Великой тридцатилетней войны» 1914–1945 годов; второй этап анализа целиком посвящен

рассмотрению формирования в украинской националистической литературе и массовом сознании образов друзей и врагов, каковыми предстают соответственно Германия и Россия, а также реально политики нацистской Германии в отношении украинцев; в третьих, автор прослеживает основные вехи восприятия украинского национализма в украинской же историографии вплоть до сегодняшнего дня; наконец, финальная часть статьи затрагивает вопрос влияния историографии, как корпуса текстов, созданных яркими публичными интеллектуалами-националистами, на формирование коллективной памяти и, следовательно, на международные отношения Украины.

Литература

1. Коваль М.В. Україна у Другій Світовій і Великій вітчизняній війнах. Київ, 1994.
2. Magosci Paul R. The roots of Ukrainian nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont. Toronto, 2002.
3. Subtelny O. Ukraine: A history. Toronto, 1988.
4. Vowles H.P. Ukraine and its People. London, 1939.
5. Wilson A. Ukrainian nationalism in the 1990s: a minority faith. Cambridge, 1997.